

ЗРИТЕЛЮ-С ЛЮБОВЬЮ

НЕТ, ПОЖАЛУИ, не вспомнишь другую гастрольную афишу, которая была бы столь же богата названиями, как у театра «Эстония». Даже количественно — восемь (только по «вокальному цеху») — она побивает все рекорды. А если добавить к тому же, что значительная часть из них совсем неизвестна в столице, станет ясно, почему столько интереса проявили деятели искусства, театралы и меломаны к выступлениям талантливейшего творческого коллектива из Эстонии, почему такую широкую аудиторию привлекли его гастролы.

ЕСЛИ БЫ сегодня спросили, что же больше всего понравилось в работах эстонской труппы, какая постановка оставила самое сильное впечатление, право же, я бы затруднилась ответить. Не потому, что все в равной мере хорошо. Не в этом дело: в каждом спектакле, а они в общем совершенно не похожи один на другой, есть свое привлекающее, интересное, поучительное. Что лучше?

Могучая стихия музыки, демонстрация во всей прелесть вокальной культуры, буквально праздник оперного театра, где великопленные Тийт Куузик (Граф ди Луна), Хендрик Круум (Манрико), Урве Таутс (Азучена) — певцы, владеющие искусством *bel canto*; где блистательные ансамбли — один лучше другого и первоклассный хор, оркестр, способные передать все прелесть и секреты оперного творчества великого мастера. «Традиционный» оперный спектакль «Трубадур» без каких-либо попыток режиссера (Пауль Мяги), дирижера (Нэзми Ярви), художника (Эльдор Рентер) на новый лад прочесть сочинение, оосовременить, «освежить», оозначить находками. «Традиционный» «Трубадур»? Но это великолепно, потому что изобретательные мизансцены, очень активное сценическое действие в данном случае мешают наслаждаться музыкой.

И ТАК, «Трубадур» — любителям «чистого» оперного пения. И еще один очень оперный спектакль, где тоже многокрасочность жанра использована во всей полноте и богатстве, где тоже отменный накал страстей, трагедийность сюжетных ситуаций захватывают зал. Я имею в виду «Барбару фон Тизенхузен» Эдуарда Тубина. Она написана по повести Айно

Калласа. Время действия — вторая половина XVI века. Место действия — Эстония. «...он родную свою сестру противу чувства братской любви приказал утопить в мешке, потому что полюбила она некоего писаря, с ним согрешила и пожелала его в мужья...». Так, словами летописи «Хроники Ливонии» рассказана фабула новеллы Калласа, которую Яан Кроос положил в основу либретто.

События прошлого в восприятии современного художника — так в самых общих контурах можно раскрыть особенности партитуры «Барбары фон Тизенхузен». Композитор пишет трехактную оперу, используя разнообразие форм и средств, — развернутые арии, ариозо, дуэты, ансамбли на большом мелодическом дыхании, все виды вокально-речевой выразительности — от разговорной речи до кантилены *bel canto*. Развернутые симфонические куски, чудесные хоры, — всем этим богата партитура. Автору партитуры Э. Тубину, постановщикам — режиссеру У. Вяляюксу и художнику Л. Рооза — удалось на контрастах показать два мира — добра и зла, две противоборствующие силы — правды, чистоты чувств и жестокости, косности, алчности. И, пожалуй, положительные образы Барбары (Марья Хаамер), писаря Боиниуса (Калью Карас) вырисованы в спектакле с большей жизненной достоверностью, убедительностью, чем отрицательные: братья Тузенхуэны — просто черные злодеи. Особенно запомнилась Барбара. Партитура ее вокально весьма трудна, в ней в соответствии с психологическим состоянием героини масса штрихов, нюансов, требующих соответствующих певческих приемов. И певица не выпадает ноты своей вокальной строчки, фразу за фразой: у нее живая человеческая речь, эмоционально наполненная, идущая от сердца.

Правда, сколько ни смотришь спектакли театра «Эстония», не перестаешь удивляться и восторгаться этим: за редким, очень редким исключением мы видим именно таких актеров. Причем, начиная от самых прославленных корифеев эстонской оперы, до молодежи, продолжающей прочно сложившиеся традиции.

Мы постоянно подчеркиваем синтетичность эстонских артистов (говорю об этой труппе, а театре «Ва-

номуйне»), но обычно под синтетичностью подразумевается многожанровость исполнителя — способность его выступать в спектаклях оперных, опереточных, мюзиклах. Мне представляется синтетичность в ином, широком аспекте: умение актера переключаться во время спектакля в разные «сферы» исполнительства, умение совершенно раскрепощенно двигаться при пении сложнейших вокальных эпизодов, умение мгновенно переключаться с вокала на разговорную речь, одновременно танцевать и петь, «тянуть» свою вокальную партию в любом положении, и так далее, и тому подобное. Все это требует именно синтетичности актерского мастерства. И им обладают в труппе «Эстония» почти все.

Триптих Пуччини явился убедительным подтверждением сказанного. «Плащ» — жестокая драма (пьеса, по которой написано ее либретто, шла в свое время в театре ужасов); сюжетная схема — любовь, ревность, убийство — весьма проста. «Сестра Анжелика» контрастна ей и характером, и настроением, и всем образным строем — медленные темпы, строгость хоральных созвучий, лиричность образа героини. Да даже одно то, что вся вокальная часть написана исключительно для женских голосов — и сольные партии, и хоры, и ансамблевые в разных составах, — позволяет судить, сколь различны, точнее, контрастны части триптиха. Последняя, «Джанни Скинки» (по мотивам одной из песен «Божественной комедии» Данте), — совсем иной жанровой принадлежности: это блистательная миниатюра комедийного плана, зажигательная, брызжущая весельем. Эдакий «неожиданный» скерцозный финал.

Прямо скажу, труппа здесь показала себя во всем блеске. Хотя бы уж по одному тому, что в спектакле заняты лучшие — Тийт Куузик (в «Плаще», Мишель) и Георг Отс (в «Джанни Скинки», заглавный герой). Говорить о них — значит произносить множество слов в превосходных степенях о талантливости, об артистизме, о музыкальности, о вокальной культуре, об обаянии и т. д. и т. п. Не буду повторять их, но еще одно напомню: диалект идиш и возможно-стей актеров. Каждый раз у них

иная палитра, иной ключ к разгадке образа, даже иная тембровая сфера вокальной изобразительности.

Потому, к примеру, в «полярном» репертуаре «заявила» себя, и заявила весьма талантливо, Урве Таутс — цыганка Азучена в «Трубадуре», Ласочка в «Кола Брюньоне», трапичница Фругола в «Плаще» и сестра флорентийского богача Бузо («Джанни Скинки»). Поэтому мы увидели обладательницу прозрачного, легкого колоратурного сопрано Маргариту Войтес в образах совсем юной наивной Лауретты, дочери Скинки, и очаровательной соблазнительницы Фиориллы («Турок в Италии»).

Так можно было бы продолжать и продолжать. И, назвав несколько имен, я вовсе не выдвинула этих артистов из числа других. Просто в некотором роде полярные актерские и вокальные задачи, поставленные перед названными артистами, больше запомнились.

А в общем-то в каждом спектакле зрители в соответствии с собственными вкусами и привязанностями могут найти для себя, что им близко, и в каждом спектакле, без преувеличения, были открытия. О самом ужасно сказано было выше, сказано и в предыдущей статье, посвященной спектаклю «Кола Брюньон». В других постановках — в «Сестре Анжелике» — подкупил зрителей глубиной, проникновенностью, многокрасочностью вокальных средств Маре Йыгва (Анжелика), в «Джанни Скинки» — искусство ансамбля, музыкального, актерского, накрепко слитого авторами постановки (дирижер Нэзми Ярви, постановщик Арне Микк, художник Уно Кярбис) и участниками во главе с Георгом Отсом.

И еще один на редкость ансамблевый спектакль — «Турок в Италии». Здесь тоже сплошные открытия — открытие самой партитуры, как всегда у Россини, веселой, жизнеутверждающей, динамичной. Спектакль «открыл» талант великопленного исполнителя Вольдемара Куслапа, поющего, говорящего, двигающегося, постоянно общающегося с залом так, словно он только что поднялся сюда, на театральные подмостки, из публики и продолжает непринужденный разговор с теми, кто находится за рампы.

И еще одно имя, открытое в общем, очень хорошем ансамбле спектакля — Мати Пальм (Турок). Ему досталась, по воле Россини, труднейшая задача: басовая партия вся на колоратуре, в быстрых темпах, в сложных ансамблях. А тут еще режиссерский рисунок, достаточно свободный и непринужденный, — Мати Пальм с блеском

справляется со всем. Назвав нескольких артистов (о них просто нельзя было не сказать отдельно!), я, безусловно, нарушила существо зрелища (режиссер Пауль Мяги, дирижер Нэзми Ярви, художник Эльдор Рентер). Ансамбль и еще раз ансамбль — в этом сила яркого, увлекательного спектакля «Турок в Италии».

Признаться, совсем неожиданным оказался в гастрольной афише мюзикл «Человек из Ламанчи». Тем более что сейчас он прочно взят на вооружение драматическими труппами, а из музыкальных — только опереттами. И вдруг в перечне исполнителей и Георг Отс (ну, предположим, его талант в этом плане уже давно измерен), и Эрвин Кярвег (в опере «Барбара фон Тизенхузен» он выступил в одной из ведущих партий), и Тийт Тралла (его видели москвичи в сугубо оперном репертуаре), и так далее. И снова театр доказал правдивость подобной «всеядности» — умение использовать все разнообразие творческих сил, показать актерские дарования не только и имеющие каждое свои сильные стороны. Рядом с певцом из певцов Георгом Отсом (Дон Кихот) почти совсем «на поющие» Катрин Карсма (Альфонса) и Эндель Пярн (Санчо Панса). Ну и что ж! Зато они иными средствами — словом, кисти, мелодическим словом, пластикой, танцем, движениями, сценическим поведением — скульптурно ярко воссоздают портреты героев. И Тийт Тралла (Святой отец), и Эрвин Кярвег (Главарь трактирщик), и... Впрочем, снова надо было бы перечислить всех участников. Потому что и здесь — ансамбль прежде всего, целостность зрелища, где все органично сплавлено, сцементировано всеми, кто занят здесь, сплавлено постановщиком (Сулеа Ныммик) и художником (Лембит Рооза).

И еще одно продемонстрировала труппа, сделав свой сценический вариант американского мюзикла, — культуру, интеллигентность, тактичность. Право же, здесь есть не чем развиграть страсти, воссоздавая обстановку тюрьмы, где содержатся воры, убийцы, проститутки. Театр «Эстония» проявляет исключительную деликатность, сдержанность и не в силу северного темперамента, как принято говорить о народе этой республики, а благодаря тонкому художественному чутью, которое непременно присутствует во всей гастрольной афише, так порадовавшей москвичей.

Зрителю — с любовью. Это можно было бы предпослать показу работ театра «Эстония».

М. ИГНАТЬЕВА.